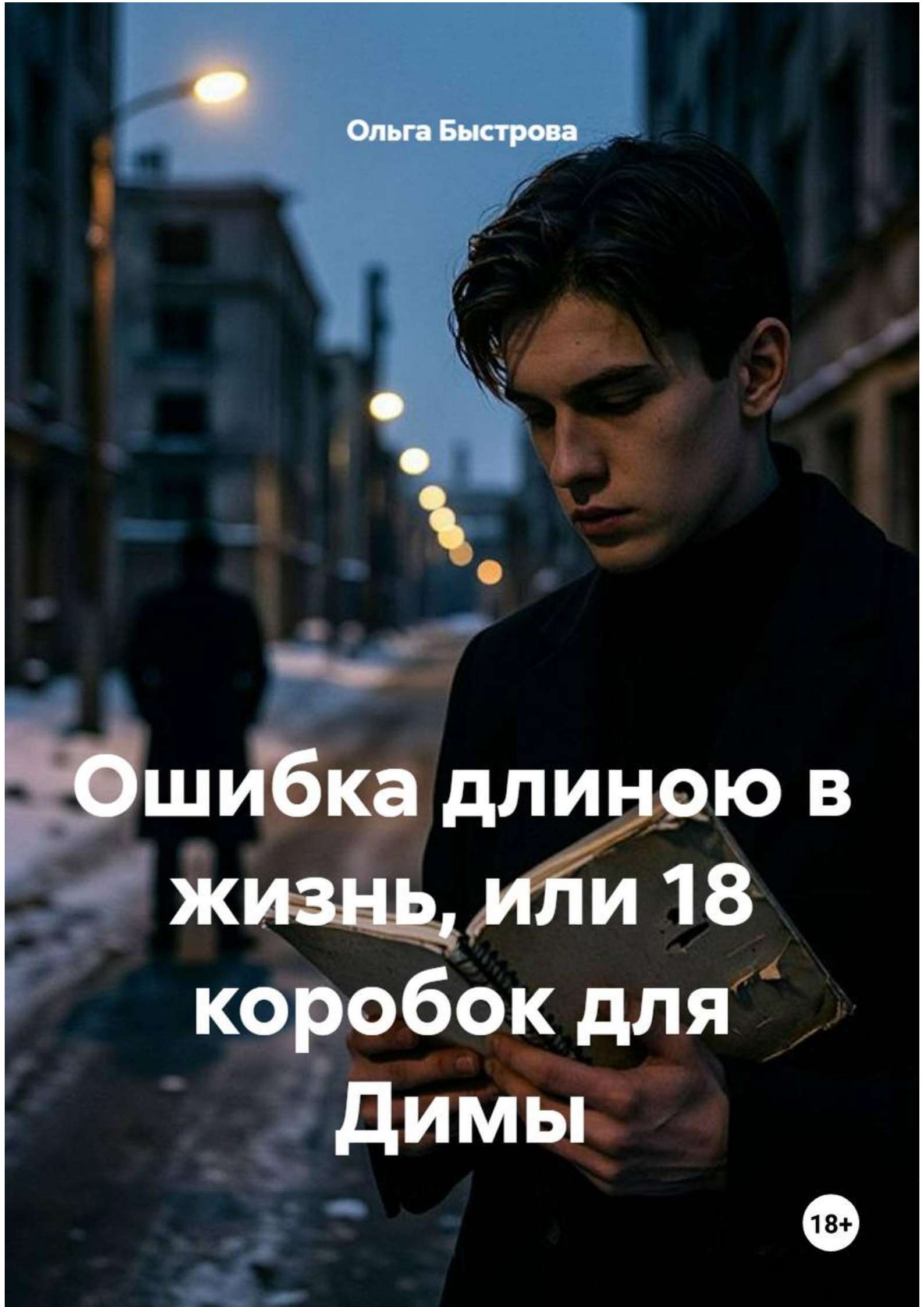

A young man with dark hair, wearing a dark turtleneck, is looking down at a spiral-bound notebook he is holding in his hands. He is standing on a snowy street at night. In the background, there are blurred city lights and buildings, creating a bokeh effect. The overall mood is contemplative and somber.

Ольга Быстрова

**Ошибка длиною в
жизнь, или 18
коробок для
Димы**

18+

Ольга Быстрова

**Ошибка длиною в жизнь,
или 18 коробок для Димы**

«Автор»

2026

Быстрова О.

Ошибка длиною в жизнь, или 18 коробок для Димы /
О. Быстрова — «Автор», 2026

Что делать, если твой враг и твой спаситель-это один и тот же человек???
Как преодолеть барьеры и научиться доверять??? Дмитрий Березин богатый
влиятельный человек, когда то переживший предательство стал монстром
без жалости и пощады. Молодой и талантливый Саша Гилберт остается
один на один с жестоким и реальным миром. Судьба сводит двух героев.
Саша терпит все, ведь на руках больная мама и маленький брат, а Дмитрий
под влиянием мальчика учится снова чувствовать мир. Но они оба не
догадываются, что связаны между собой кровными узами. И что их жизнь
изменится навсегда, когда правда будет раскрыта. Жанр: Социально-
психологическая драма, семейный роман

© Быстрова О., 2026

© Автор, 2026

Ольга Быстрова

Ошибка длиною в жизнь, или 18 коробок для Димы

Часть первая: Рабство и пробуждение совести

Глава 1. Рождение монстра

Конец осени выдался на редкость холодным, и мелкий дождь со снегом превращал московские тротуары в скользкое месиво. Дмитрий Березин припарковал свой новенький спортивный купе прямо у входа в дорогой ресторан, не заботясь о правилах. В свои девятнадцать лет он привык, что любые проблемы решаются одним звонком отца. Сын строительного магната, представитель той самой «золотой молодежи», он лениво окинул взглядом витрины, поправил воротник дорогого пальто и вошел внутрь, где его уже ждали.

За угловым столиком сидела Кристина Микулова. Она безупречно выглядела, лениво пролистывала что-то в телефоне и даже не подняла глаз, когда Дима сел, напротив. Их брак был делом решенным, одобренным родителями ради слияния капиталов. Между ними не было ни капли тепла, лишь привычка и редкие, циничные встречи по выходным, продиктованные скорее скукой и удобством, чем страстью.

— Опаздываешь, Березин, — равнодушно заметила Кристина, рассматривая свой идеальный маникюр.

— Твой отец звонил моему. Они хотят, чтобы мы поехали на благотворительный вечер в субботу. Вместе. Нам нужно изображать счастливую пару.

— Как обычно, — Дима хмыкнул, подзывая официанта кивком головы.

— Сделаем вид, что не тошнит друг от друга ради акций их нового холдинга. Тебе взять что-нибудь?

— Я уже уйду, у меня примерка, — Кристина поднялась, накинула на плечи соболиную шубку и сухо коснулась губами его щеки.

— До субботы. Не забудь про цветы, репортеры будут на входе.

Дима остался один. Ему было невыносимо скучно среди этой предсказуемой, купленной до последнего вздоха роскоши. Оставив на столе нетронутый кофе и купюру, превышающую счет втрое, он вышел на улицу. Отрезвляющий холодный воздух ударил в лицо. Дмитрий решил пройтись до машины пешком через небольшой сквер, чтобы хоть немного разогнать тоску.

И именно там, возле старинного здания консерватории, всё изменилось.

Она шла навстречу, бережно прижимая к себе потертый жесткий футляр со скрипкой. Прохожие спешили мимо, пряча лица в шарфы, но Дима замер, словно время вокруг остановилось. Девушка была одета в простенькое, явно недорогое пальто, которое совсем не спасало от пронизывающего ветра, но ее внешность заставляла забыть обо всем. Из-под вязаной шапочки выбивались длинные, непослушные черные локоны, усыпанные тающими снежинками. Но главным были ее глаза — огромные, глубокие, карие, в которых читалась удивительная, почти забытая в этом городе чистота.

Полина не заметила лужу на обледенелом асфальте. Ее аккуратные сапожки скользнули, она вскрикнула, теряя равновесие, и футляр едва не вылетел из ее рук.

Дима среагировал мгновенно. Он шагнул вперед и перехватил ее за тонкую талию, удерживая на ногах. Футляр со скрипкой оказался зажат между ними. Полина испуганно выдох-

нула, оказавшись вплотную к незнакомцу, и подняла на него свой наивный, распахнутый взгляд.

— Осторожнее, здесь очень скользко, — тихо сказал Дима, вдруг поймав себя на мысли, что его сердце бьется как сумасшедшее. Он, повидавший сотни столичных красавиц, сейчас не мог вымолвить и слова от нахлынувшего чувства.

— Ой, спасибо вам большое! — ее голос прозвучал чисто и мелодично, как струна. Она робко отступила на шаг, поправляя инструмент, и на ее щеках проступил нежный румянец.

— Я так испугалась за инструмент. Это мамина скрипка, если бы она пострадала, я бы себе не простила. Извините мою неловкость, я еще никак не привыкну к московской спешке.

— Вы не местная? — спросил Дима, не сводя с нее глаз и чувствуя, как внутри все переворачивается от ее грамотной, правильной речи, в которой не было ни капли столичного апломба.

— Да, я только в этом году поступила на первый курс, — она улыбнулась, и эта улыбка показалась Диме самым светлым, что он видел в жизни.

— Я приехала из Зубцова, это в Тверской области. Маленький такой городок, тихий. Там все совсем иначе. Меня зовут Полина. Полина Зимина.

— Дмитрий, — представился он, впервые в жизни постеснявшись назвать свою громкую фамилию. Ему отчаянно, до боли захотелось продлить эти мгновения, защитить эту хрупкую, невинную девушку от всего мира и никогда больше не отпускать.

Дмитрий продолжал держать руку на ее плече чуть дольше, чем требовали правила приличия, словно боясь, что если он отпустит её, этот сказочный момент просто растворится в сером московском воздухе.

— Полина, вы очень спешите? — тихо спросил Дима, заглядывая в её огромные карие глаза. В его голосе, обычно уверенном и даже немного надменном, сейчас промелькнула непривычная мягкость.

Полина подняла на него взгляд. Этот парень с первого мгновения показался ей особенным. Несмотря на дорожную одежду, от которой веяло столичным шиком, в его осанке, во взгляде и в том, как крепко он держал её секунду назад, было что-то невероятно сильное и надежное. Ей, девчонке из крошечного Зубцова, в огромной и чужой Москве было безумно одиноко, а рядом с ним вдруг стало тепло. Вообще-то она собиралась в класс — порепетировать перед сложным зачетом по специальности, но, взглянув в его выжидающие глаза, Полина робко улыбнулась.

— Нет, — мягко ответила она, чуть сильнее прижав к себе футляр. — Пожалуй, я не так уж сильно спешу.

— Тогда, может быть, зайдем куда-нибудь? Тут неподалеку есть тихое кафе. Вы совсем замерзли, а там варят отличный кофе. Позвольте составить вам компанию?

Полина на секунду замешкалась, но кивнула. Они дошли до небольшого, уютного заведения в одном из переулков. Дмитрий намеренно прошел мимо пафосных ресторанов, куда обычно ходил со своими друзьями, выбрав место попроще, чтобы не смутить девушку.

Когда они сели за столик в глубине зала и официант принес горячий чай с чабрецом для Полины и черный кофе для Димы, между ними завязался разговор, который затянулся на несколько часов. Полина говорила увлеченно, с придыханием рассказывая о своей любви к музыке, о родном Зубцове, где жизнь текла неспешно, о маме и о том, как тяжело ей дался переезд в столицу. Дмитрия поражало в ней абсолютно всё: то, как бережно она относилась к словам, её искренняя, детская мимика и полное отсутствие той циничной фальши, к которой он привык в своем окружении.

В какой-то момент Полина смущенно улыбнулась и спросила:

— Дима, а вы? Вы ведь местный, московский? Расскажите о себе, а то я всё о скрипке да о переезде. Где вы учитесь?

Внутри у Димы что-то екнуло. Он посмотрел на её чистые, доверчивые глаза и внезапно ощутил острый укол страха. Он до боли четко осознал: если он сейчас скажет, кто он такой, если назовет фамилию Березин, упомянет отца, свои счета и элитную тусовку, эта сказка закончится. Такая чистая, невинная девушка испугается его мира, посчитает его избалованным циником или, хуже того, решит, что он видит в ней лишь очередную игрушку.

— Я... да, я учусь здесь, — Дима отвел взгляд на секунду, быстро подбирая слова. — На втором курсе, на экономическом. Вникаю во все эти цифры, графики.

О том, что это МГУ, а на парковке его ждет спорткар стоимостью в хорошую квартиру, он намеренно промолчал.

— Экономика — это так сложно, наверное, — уважительно произнесла Полина, всматриваясь в его лицо. — А живете где? Тоже в общежитии?

— Нет, я снимаю квартиру. В одном из тихих спальных районов, там спокойно, — соврал Дима, чувствуя, как внутри ворочается непривычное чувство вины, но желание удержать её, защитить эту хрупкую связь было сильнее честности. — Там спокойно, шума городского почти нет.

— Это здорово. А мне Москва пока кажется сплошным несмолкающим ульем, — Полина тихо засмеялась, прижимая ладони к теплой чашке.

Время пролетело незаметно. За окнами кафе окончательно стемнело, зажглись ночные фонари. Когда Дима взглянул на часы, он с удивлением обнаружил, что они просидели почти четыре часа — и за это время он ни разу не вспомнил ни про телефон, ни про Кристину, ни про свои обычные вечерние планы. Ему просто хотелось слушать её голос.

— Ой, уже так поздно! — Полина испуганно всплеснула руками, заметив время. — Меня же в общежитии потеряют, да и двери скоро закроют.

— Я провожу вас, — тут же поднялся Дима.

Они шли по заснеженным улицам до студенческого городка. Ветер утих, и крупные хлопья снега медленно опускались на длинные, выщипанные черные волосы Полины. Возле массивных дверей общежития они остановились.

Полина повернулась к нему, ее щеки горели от легкого морозца, а в глазах светилась искренняя благодарность.

— Спасибо тебе, Дима. За чай, за разговор... и за то, что не дал упасть. Мне было очень тепло с тобой сегодня.

— Это тебе спасибо, Полина, — Дима протянул руку и аккуратно поправил выбившийся из-под ее шапки локон, его пальцы на мгновение коснулись ее нежной кожи, оставив ощущение электрического разряда. — Можно я найду тебя завтра после твоих занятий?

Полина чуть прикусила губу, сдерживая счастливую улыбку, и кивнула:

— Можно. Я буду ждать.

Она скрылась за тяжелой дверью, а Дмитрий еще долго стоял на крыльце, глядя на светящиеся окна общежития. В его груди разливалось странное, незнакомое доселе чувство. Он понимал, что с этого дня, с этой случайной встречи на скользком тротуаре, его привычная, расписанная родителями жизнь дала трещину. Началась совершенно новая страница, которая неумолимо вела их обоих туда, где всё прежнее изменится навсегда.

На следующий день Дмитрий приехал к консерватории за полчаса до окончания занятий Полины. Чтобы не выдать себя, он совершил для себя настоящий «подвиг»: оставил свой спортивный купе на подземной парковке в паре кварталов отсюда, а сам переоделся в простые джинсы, обычную куртку и неброский вязанный шарф. Ему казалось, что так он выглядит как самый среднестатистический студент.

С цветами возникла целая дилемма. Дима привык покупать огромные, помпезные охапки роз в элитных салонах, но сейчас понимал, что такой жест просто испугает Полину. Пожилая флористка в маленьком павильоне у метро, заметив его растерянность, мягко улыбнулась

и предложила скромный, но невероятно красивый букет из нежно-розовых ранункулюсов и веточек белой гипсофилы, похожих на маленькие хлопья снега. Букет выглядел трогательно, воздушно и пах весенней свежестью.

Когда двери консерватории распахнулись и на крыльцо хлынула толпа студентов, Дима сразу выхватил её взглядом из толпы. Полина шла в окружении однокурсниц, бережно держа свой неизменный футляр. Заметив Дмитрия, она на секунду замерла, и её лицо озарила искренняя, теплая улыбка.

Дима сделал шаг навстречу, протягивая букет.

— Привет, Полина. Это тебе.

— Привет! Какая прелесть... спасибо большое, они чудесные, — прошептала она, утыкаясь лицом в нежные лепестки.

Дмитрий, повинаясь внезапному порыву, наклонился и нежно поцеловал её в прохладную от уличного воздуха щеку. Полина тут же густо покраснела, смущенно опустив глаза, но отстраняться не стала, лишь крепче прижала к себе цветы.

Мимо них как раз проходили её однокурсницы. Девочки не спускали глаз с Димы, перешептывались и провожали пару откровенно завистливыми взглядами. Даже в простой одежде Березин выделялся из толпы своей породистой выправкой, уверенным разворотом плеч и мужским магнетизмом.

— Вот теперь слухи будут по всему курсу ходить, — тихо, но с легкой улыбкой сказала Полина, когда они пошли прочь от здания консерватории.

Дима лишь слегка усмехнулся, мельком оглянувшись на шушукающихся студентов:

— Пусть завидуют молча. Куда мы пойдём?

Они снова выбрали маленькое уютное кафе, где отогревались горячим чаем, а потом, несмотря на легкий морозец, решили просто погулять по старым московским переулкам. Дима купил мороженое в стаканчиках — дурацкая, казалось бы, затея для поздней осени, но Полина так искренне радовалась этому лакомству, смеясь и слизывая быстро тающий крем, что он не раздумывая составил ей компанию.

Дмитрий шел рядом с ней и ловил себя на мысли, что он абсолютно, оглушительно счастлив. Впервые в жизни. Вокруг него больше не было фальшивого блеска, разговоров об акциях, брендах, элитных клубах и пафосных тусовках с «нужными» людьми. Не было Кристины с её вечным цинизмом. С Полиной он словно провалился в какой-то другой, параллельный мир — настоящий, чистый, наполненный живыми эмоциями и звонким девичьим смехом. Этот мир не имел ничего общего с миллионами его родителей, и именно это делало его самым ценным.

Время летело стремительно, стирая границы между временами года. Сырая, промозглая осень сменилась затяжной московской зимой с её сугробами и метелями, а затем на смену холодам пришла долгожданная, звенящая каплей весна. Вместе с природой менялся и сам Дмитрий, хотя давалось ему это невероятно тяжело.

Парень фактически вел двойную жизнь, разорванную на два абсолютно противоположных мира. В одном мире он был скромным студентом Димой, который неохотно и вскользь говорил о своей семье, утверждал, что подрабатывает по ночам грузчиком на складах, и до безумия любил свою хрупкую музыкантку.

В другом мире он оставался Березиным — наследником огромного состояния, мажором, который по-прежнему посещал светские приемы под руку с Кристиной, продолжал периодически спать с ней просто по привычке и крутиться в водовороте золотой молодежи. Именно выдуманной тяжелой «работой» он и прикрывался перед Полиной, когда отцу требовалось его присутствие на очередном рауте или семейном ужине.

Такая жизнь на два фронта начала сильно менять Дмитрия изнутри. Влияние чистой, доброй Полины, которая сопереживала каждому бездомному котенку, постепенно проникало

в его подсознание. Друзья по элитной тусовке стали замечать, что Дима сильно изменился: он всё чаще пропадал неизвестно где, пропускал безбашенные закрытые вечеринки и стал подозрительно задумчивым.

Более того, в нем проснулось то, чего в их кругу никогда не было — уважение к обычным людям.

В один из весенних вечеров Дима сидел со своей привычной компанией в ВИП-комнате дорогого закрытого клуба. Его лучший друг, Егор, вальяжно закинув ноги на соседний стул, курил дорогую сигару. Молодой официант, парень лет двадцати, заметно волнуясь, расставлял на столе элитный алкоголь. Из-за неловкого движения бутылка дорогого виски слегка задела бокал Егора, и пара капель напитка упала на его брендовые туфли.

— Ты что, урод, слепой совсем?! — тут же взорвался Егор, пинком отталкивая стул. — Ты хоть знаешь, сколько стоит эта обувь? Да твоей месячной зарплаты не хватит, чтобы её оплатить! Позвать управляющего, пусть тебя вышвырнут отсюда нахер!

Официант побледнел, судорожно извиняясь и пытаясь вытереть обувь салфеткой:

— Простите, пожалуйста... я случайно, зацепился рукавом...

— Руки убрал, ничтожество, — брезгливо бросила сидящая рядом Кристина, лениво потягивая коктейль. — Вечно наберут придурков по объявлению, а мы должны терпеть этот сброд!

Дима, который до этого молча сидел в углу дивана, глядя в окно, вдруг почувствовал, как внутри закипает глухая, яростная злость. Раньше он бы просто не обратил внимания на эту сцену. Но сейчас перед его глазами стояла Полина — такая же студентка, которая приехала покорять Москву из маленького городка и могла бы оказаться на месте этого подрабатывающего парня.

— Оставь его в покое, Егор, — громко и отчетливо произнес Дима, поднимаясь с дивана.

В комнате повисла удивленная тишина. Егор обернулся, на его лице застыла недоуменная усмешка:

— Чего? Димон, ты за него впрягаешься, что ли?

— Я говорю, уймись, — Дима подошел ближе, его взгляд был холодным и жестким. — Парень извинился. Обувь твоя цела, не цепляйся.

— Забирай свои вещи и иди, — обратился он уже к замершему от страха официанту. Тот бросил на Дмитрия полный благодарности взгляд и быстро выскочил из ВИП-зала.

— Блин, Березин, ты часом головой не ударился в последнее время? — Кристина насмешливо выгнула безупречно очерченную бровь. — Ты теперь у нас защитник сирых и убогих? Может, тебе еще ключи от квартиры ему отдать?

Егор залился громким смехом, качая головой:

— Да ладно тебе, Крис, Димон просто шутит. Или, может, в благотворительность подался, грехи замаливает? Ну дает!

Друзья дружно загоготали, восприняв это как очередную странную выходку заскучавшего богача. Они пока совершенно не понимали истинной причины его поведения. А Дима смотрел на их смеющиеся, сытые лица и впервые в жизни чувствовал к своему окружению глухое, непреодолимое отвращение. Ему до боли, до дрожи в руках хотелось сорваться прямо сейчас, переодеться в старую куртку и поехать на окраину города, к своей Полине. Туда, где было настоящее тепло.

Дмитрий с огромным трудом заставил себя досидеть в клубе до конца этого бесконечного вечера. Каждая минута, проведенная в компании Кристины и пьяных друзей, казалась ему изощренной пыткой. Их пустой смех, высокомерные шутки и звон бокалов теперь вызывали лишь глухую тошноту. Перед глазами упрямо стояло лицо Полины, её тихий голос, её искренность. Вернувшись под утро в свою роскошную квартиру в центре, он долго не мог уснуть, ворочаясь и чувствуя себя запертым в золотой клетке, ключи от которой он сам же и прятал.

На следующий день весенняя Москва встретила их ярким, еще не жарким солнцем и свежим ветром. Дмитрий, сменивший дорогой костюм на привычные джинсы и простую ветровку, перехватил Полину после занятий. Стоило ей улыбнуться и вложить свою тонкую ладонь в его руку, как весь ночной кошмар отступил. Они медленно шли по тихим улочкам, Полина воодушевленно рассказывала о новом сложном произведении, которое ей задали разобрать, а Дима просто наслаждался моментом, слушая её мелодичный голос.

И тут случилось то, чего Дмитрий втайне боялся больше всего на свете.

Свернув на одну из центральных улиц, Дима краем глаза заметил припаркованный у тротуара белоснежный спорткар последней модели. Возле него, лениво опершись на капот, стояли Егор и Коля — его самые близкие друзья по «элитной» жизни. Они громко смеялись, обсуждая что-то в телефонах.

Дима инстинктивно хотел развернуться, но было поздно. В следующую секунду Егор вскинул голову и его взгляд наткнулся прямо на Дмитрия.

Егор буквально опешил. Сигарета чуть не выпала из его пальцев. Он смотрел на Березина — некогда главного заводилу их тусовок — в какой-то дешевой ветровке, и на девушку, которая шла с ним под руку. Коля тоже проследил за взглядом друга и замер. Для парней из их круга Полина была как пришелец с другой планеты: на ней было простенькое пальто, скромные ботинки, не было тонны макияжа или брендовых логотипов. Провинция считывалась в её образе моментально — чистая, аккуратная, но абсолютно чужая для их пафосного мира.

На лице Егора расплылась наглая, недоуменная ухмылка. Он сделал движение вперед, собираясь окликнуть Диму и подойти, чтобы в своей фирменной издевательской манере познакомиться с его «милой спутницей».

В этот критический момент Дима посмотрел на Егора.

Этот взгляд заставил Егора резко остановиться на месте. В глазах Дмитрия не было и тени прежнего дружелюбия — там застыла такая ледяная, бешеная ярость и прямая угроза, что у Егора внутри всё похолодело. Этот взгляд четко говорил: «Сделаешь шаг, скажешь хоть слово — и я тебя уничтожу. Из-под земли достану». Егор, отлично знавший вспыльчивый характер Березина и колоссальное влияние его отца, мгновенно понял — сейчас лучше не лезть, иначе проблемы будут космического масштаба.

Егор натянуто ухмыльнулся, хлопнул Колю по плечу и что-то тихо, с ядовитым смешком шепнул ему на ухо. Коля понимающе закивал. Они демонстративно отвернулись, запрыгнули в салон спорткара, двигатель взревел, и машина, с визгом резины и грубейшим нарушением всех мыслимых правил, рванула с места, разворачиваясь через жирную двойную сплошную линию прямо посреди оживленной улицы.

Полина, увлеченная своим рассказом, к счастью, не заметила застывших взглядов парней. Она среагировала только на этот оглушительный визг тормозов и дерзкий маневр. Девушка испуганно вздрогнула и проводила удаляющийся автомобиль возмущенным взглядом.

— Господи, ну что за люди? — Полина искренне нахмурилась, прижимая руку к груди. — Куда они так летят? Прямо через двойную сплошную, чуть людей на переходе не задели! Дима, ты видел? Вот из-за таких самоуверенных дураков, которые считают, что им всё можно, потом случаются страшные аварии. Наверное, очередные мажоры, которым папочки машины купили, а права они просто подарили. У них же внутри ничего святого нет, кроме своих денег!

Дима шел рядом, чувствуя, как у него внутри бешено колотится сердце, а по спине катится холодный пот. Каждое слово Полины било наотмашь, ведь она, сама того не зная, сейчас в лицо говорила правду о нем самом и о его настоящей жизни. Но одновременно с этим в груди разлилось колоссальное облегчение. Она не догадалась. Не поняла, что те двое в машине — его лучшие друзья, и что он сам еще пару месяцев назад точно так же крутил руль своего купе, плюя на правила и законы.

— Да, Полина, ты абсолютно права, — тихо ответил Дима, стараясь, чтобы его голос звучал ровно. Он крепче сжал её тонкие пальцы в своей руке. — Обычные пустышки. Забудь о них. Главное, что нас они не задела.

Полина еще какое-то время возмущенно вздыхала, рассуждая о том, как важна человеческая порядочность, а Дима шел рядом и с ужасом думал о том, что кольцо вокруг его тайны начинает неумолимо сжиматься. Его мир уже заметил Полину, и это было чертовски опасно.

Дмитрий старательно избегал встреч с тусовкой. Он отключал телефон, ссылаясь на несуществующие зачеты и дела, но бесконечно бегать в их тесном элитном кругу было невозможно. Через несколько дней в роскошном загородном особняке Березиных был организован небольшой закрытый банкет. Анатолий Петрович, отец Димы, жестко и безапелляционно потребовал присутствия сына. Отказаться было нельзя — это значило бы вызвать подозрения и лавину ненужных вопросов.

В огромном зале, залитом светом хрустальных люстр, играла приглушенная музыка. Гости были расслаблены, повсюду звенели бокалы с дорогим шампанским. Дмитрий стоял рядом с отцом у высокого панорамного окна, послушно кивая и обсуждая детали предстоящего расширения их строительного холдинга. В этот момент к ним ленивой, вальяжной походкой подошел Егор, позади которого маячил ухмыляющийся Коля. Неподалеку с бокалом стояла и Кристина, внимательно наблюдавшая за ними.

— Анатолий Петрович, добрый вечер, — вежливо кивнул Егор старшему Березину, а затем с ехидной улыбкой перевел взгляд на Диму. И громко, во всеуслышание, так, чтобы слышали все вокруг, спросил: — Димон, ну хорош шифроваться! Рассказал бы хоть, что за девчонку мы с Коляном на днях с тобой видели? Так вот с кем ты пропадаешь уже несколько месяцев!

Егор негромко рассмеялся, отпивая из бокала, и картинно развел руками:

— Нет, ну серьезно, Дим. Одетая черт знает во что, пальтецо это простенькое... Сразу видно — провинция глубокая, только с поезда слезла. Где ты её вообще откопал?

— Да уж, Димон, мы тебя прямо не узнали, — со смешком поддержал друга Коля. — Ты теперь у нас по бедным студенткам специализируешься?

Диме в секунду стало невыносимо, до тошноты противно от их слов, от их лощеного вида и этого пренебрежительного тона. Внутри всё горело от желания с размаху ударить Егора по лицу за то, что тот посмел осквернить имя Полины своими грязными шутками. Но вокруг стояли люди. На него смотрели партнеры отца, друзья, Кристина. И Дима... струсил. Побоялся разрушить свой идеальный статус, побоялся пойти против системы и открыто заявить, что эта «провинциалка» — самое дорогое, что есть в его жизни, и что он безумно её любит.

Вместо этого Дмитрий нацепил на лицо свою привычную, гаденькую, высокомерную улыбку. Он небрежно повел плечом и хмыкнул:

— Да ладно вам, расслабьтесь. Нашли из-за чего шум поднимать. Это так... просто увлечение, новые ощущения. Захотелось экзотики, понимаете? Мне просто нужен был способ испытать другую жизнь, посмотреть, как живут эти... примитивные люди. Ничего серьезного там нет и быть не может, вы же меня знаете. Поиграю и брошу.

Анатолий Петрович на эти слова сына вообще никак не отреагировал. Он лишь мельком взглянул на парней, сделал глоток виски и тут же отвернулся к подошедшему бизнес-партнеру. Любовные интриги сына его абсолютно не интересовали, пока они не мешали делам и предстоящему браку.

Егор и Коля, удовлетворенные таким «мажорным» ответом, понимающе загоготали, похлопав Диму по плечу.

Когда друзья отошли, к Диме быстрым шагом приблизилась Кристина. Ее лицо было бледным от скрытой злости, а идеальные губы сжались в узкую линию. Она схватила его за локоть и тихо, шипя от возмущения, процедила:

— Березин, ты совсем страх потерял? Мне плевать на твои «новые ощущения», но меня категорически не устраивает, что ты крутишь с какой-то девкой на стороне, и об этом уже судачат твои друзья! Ты позоришь меня!

Дмитрий резко вырвал руку. В его глазах, секунду назад изображавших веселость, вспыхнул такой ледяной, бешеный огонь, что Кристина инстинктивно отшатнулась. Он наклонился к самому ее уху и заговорил очень жестко, чеканя каждое слово:

— Послушай меня сюда, Крис. Если ты хочешь быть моей женой и получить долю в нашем новом бизнесе, тебе придется смириться. Я в любой момент буду с тем, с кем захочу. И никаких истерик я терпеть не намерен. Уяснила?!

Кристина открыла было рот, чтобы выдать гневную тираду, но встретив этот тяжелый, безжалостный взгляд парня, который словно прошивал её насквозь, поняла — он не шутит. Если она продолжит, он разрушит эту помолвку не задумываясь.

— Уяснила, — тихо, сквозь зубы выдавила она, опустив глаза. Ей было чертовски больно и унижительно, но она понимала, что спорить с ним сейчас бесполезно.

Всё это время в нескольких шагах от них стояла мать Дмитрия, Елена Сергеевна. Она держала в руках бокал, но не пила. Женщина очень сильно напряглась, услышав новости о загадочной девушке. Елена Сергеевна давно заметила, что с её сыном происходит что-то неладное: он стал скрытным, у него изменился взгляд, пропал прежний цинизм. И теперь, слушая оправдания Димы перед друзьями, она ни на секунду ему не поверила. Мать слишком хорошо знала своего сына. Если бы это была просто мимолетная интрижка, он бы не скрывал её так тщательно, не избегал бы тусовок и не смотрел бы сейчас на Егора с такой скрытой яростью.

Для Елены Сергеевны эта неизвестная девочка из консерватории мгновенно превратилась в огромную, реальную угрозу для их семьи и их планов. В голове женщины уже зрел четкий план. «Ну уж нет, мальчик мой, я не позволю какой-то нищенке разрушить твою жизнь», — подумала она, холодно глядя на сына. Елена Сергеевна приняла решение немедленно подключить свои скрытые каналы и связи, чтобы выяснить об этой девчонке абсолютно всё — от ее подноготной до слабых мест.

Май в тот год выдался невероятно теплым, окутав Подмоскovie густым ароматом цветущей черемухи и молодой зелени. Загородный дом, который Дмитрий снял на выходные, располагался в уединенном месте, прямо на берегу живописного лесного озера. Парень заранее продумал каждую деталь, чтобы скрыть свое богатство: дом был деревянным, уютным, без пафосного блеска, но со всеми удобствами и потрясающим видом на гладь воды. Для Полины же версия оставалась прежней — Дима просто одолжил ключи у хорошего друга-студента на пару дней.

До этого момента их отношения развивались трепетно и неторопливо. Они много гуляли, Дима дарил ей скромные букеты и недорогие серебряные украшения, которые Полина принимала смущенно и бережно. Они уже упоительно целовались под проливным весенним дождем, но Дмитрий, ведомый непривычным для себя уважением, не форсировал события. Он чутко понимал, что для Полины физическая близость — это не просто импульс, а нечто сакральное, глубокое. И все же сдерживаться с каждым днем становилось невыносимее. Каждое прикосновение к ее бархатистой коже, каждый вдох ее цветочных духов отзывались в его теле мгновенной, сладкой вспышкой желания.

Полина тоже все понимала. Когда Дима предложил эту поездку, ее сердце пропустило удар. Внутри нее уже давно расцветало то самое пугающее и одновременно прекрасное чувство, которое заставляло замирать от одного лишь взгляда Димы. Прикосновения парня рождали внизу живота волнительное, щемящее тепло — тех самых пресловутых бабочек, о кото-

рых она раньше только читала. Она верила ему абсолютно, без оглядки, и была готова сделать этот важный шаг.

Они приехали ближе к вечеру, когда солнце огромным янтарным диском опускалось за кроны деревьев, окрашивая воду в багровые тона. Дима помог ей выйти из машины и забрал ее небольшую сумку. В доме пахло деревом, сухими травами и свежестью. Когда за ними закрылась дверь, отрезав их от всего остального мира, между ними повисло осязаемое, электрическое напряжение.

— Здесь так красиво, Дима... — тихо прошептала Полина, подходя к большому окну, выходящему на озеро.

Дима подошел сзади, но не обнял сразу, а лишь коснулся губами ее обнаженной шеи, отчего девушка судорожно выдохнула и прикрыла глаза. Его сильные руки медленно легли на ее талию, разворачивая к себе. В полумраке гостиной ее большие карие глаза казались бездонными, в них читалось легкое волнение, но не было страха. Только безграничное доверие.

— Ты прекрасна, Поля, — хрипло произнес Дима, теряя остатки своего хваленного самобладания.

Его поцелуй начался медленно, почти осторожно, словно он спрашивал разрешения, но, почувствовав, как ее хрупкие ладони робко легли ему на плечи, а губы ответили с неожиданной, накопившейся нежностью, он углубил его. Дима подхватил ее на руки и перенес на широкую постель в спальне, где окна тоже были распахнуты навстречу теплой майской ночи.

Каждое его движение было наполнено трепетом, который он никогда раньше не испытывал ни с одной женщиной. Он раздевал ее медленно, словно освобождал от оков редкую драгоценность, покрывая поцелуями каждый открывающийся участок ее безупречного, нежного тела. Черные выющиеся локоны рассыпались по белой подушке, контрастируя с ее бледной кожей. Когда его ладони скользнули по ее бедрам, Полина тихо, прерывисто охнула, выгибаясь навстречу его горячим рукам. В этот момент для нее перестал существовать весь мир: были только эти сильные, надежные руки, этот сводящий с ума запах его кожи и нарастающая, сладкая истома внутри.

Их первая ночь стала слиянием не просто тел, а душ. Дима сдерживал бушующий в нем огонь страсти, двигаясь максимально бережно, ловя каждый ее вздох и заглушая своими поцелуями ее тихий, незащитный крик первой боли, которая мгновенно растворилась в лавине последующего, оглушительного наслаждения. Они двигались в едином, рваном ритме, пока комната наполнялась их прерывистым дыханием, а за окном тихо шелестела озерная вода. Это была чистая, первозданная эротика, лишенная пошлости, где каждое движение транслировало только одно — абсолютную, всепоглощающую любовь.

Все оставшиеся полтора дня они практически не покидали постель. Время для них остановилось. Они тонули в объятиях друг друга, пили остывший чай прямо в кровати, целовались до покалывания в губах и говорили обо всем на свете, прерываясь на новые, еще более страстные и уверенные ласки. Диме казалось, что он наконец-то дышит полной грудью, а Полина светилась изнутри каким-то особенным, женским теплом. Им отчаянно хотелось, чтобы эти выходные длились вечно, чтобы этот бревенчатый домик у озера стал их постоянным убежищем.

Но безжалостное время истекло. В воскресенье вечером, когда сумерки вновь опустились на землю, им пришлось запереть дверь дома и сесть в машину. Впереди их ждала Москва — реальный, шумный, жестокий город, где Диме снова нужно было надевать маску циничного мажора, а Полине возвращаться в скромную комнату общежития. И ни один из них еще не знал, что эта сказочная майская ночь станет высшей точкой их хрупкого счастья перед лицом надвигающейся бури.

После поездки к озеру их жизнь превратилась в настоящий тайный марафон. Дмитрий, подгоняемый бешеной страстью и страхом разоблачения, изобретал самые невероятные способы для их уединений. Он снимал на сутки безликие квартиры на окраинах, а однажды даже взял в аренду потрёпанную отечественную легковушку, на которой «встречал» Полину после занятий, лишь бы она не заподозрила в нём владельца элитного спорткара. Они занимались любовью везде, где только могли, и Дима чувствовал себя абсолютно счастливым.

Но через несколько недель идеальный мир Полины дал трещину. Сначала появилась странная, изматывающая утренняя тошнота. Потом привычные запахи любимых духов стали вызывать резкое отвращение, а когда в срок не пришли очередные месячные, девушку охватила глухая паника. Дрожащими руками она сделала тест в туалете общежития. Две отчетливые розовые полоски. В первую секунду в её сознании образовался полный, звенящий провал. «Это ошибка, просто сбой от стресса», — судорожно шептала она себе. Полина записалась к гинекологу в районную поликлинику, но строгая женщина-врач после осмотра лишь подтвердила её главный страх:

— Беременность восемь недель, милочка. Всё в порядке, плод развивается правильно.

Полина шла по улице, не чуя под собой ног. Восемь недель... Всё случилось там, в том сказочном домике у озера, в их первую и самую чистую ночь.

Дима сразу заметил, что с его девочкой происходит что-то неладное. Он часто ловил на себе её долгие, затуманенные слезами взгляды, полные неизбывной тревоги. Но на все его расспросы Полина лишь упрямо молчала, ссылаясь на усталость и подготовку к зачетам. Сам Дмитрий, выросший в циничном и далеком от таких забот мире, даже отдаленно не догадывался, что внутри этой хрупкой скрипачки уже несколько недель живет его собственный ребёнок.

Зато об этом прекрасно знала Елена Сергеевна. Все эти недели её наемные люди не спускали с пары глаз. Она знала и про загородный дом, и про хаотично сменяющиеся съёмные квартиры. А когда ей положили на стол отчет о визите Зиминной к гинекологу, мать Дмитрия впала в настоящую, ледяную ярость.

— Тварь... — процедила Елена Сергеевна, до хруста сжимая в руке дорогой карандаш. — Всё-таки добилась своего, шлха! Она женить его на себе вздумала. Угробить карьеру моего сына, повесить на шею этого безродного ублюдка?! Я этого не допущу. Никогда.

Тем временем у самой Полины паника постепенно улеглась, уступив место трепетному, материнскому теплу. Она смотрела на свой пока еще плоский живот и понимала: несмотря на весь ужас положения, она уже любит этого малыша. И она была почти уверена, что Дима — её сильный, надежный Дима — примет их.

Дрожащими пальцами она набрала его номер:

— Дима, привет... Нам нужно очень серьезно поговорить. Давай сегодня в шесть вечера, в нашем кафе?

— Привет, маленькая. Конечно, буду как штык, — тут же отозвался Дима. Он внутренне облегченно вздохнул: наконец-то он узнает причину её странного поведения.

Но этой встрече не суждено было состояться. Елена Сергеевна, перехватившая информацию о звонке, действовала молниеносно. За полчаса до назначенного времени по её приказу колесо машины Дмитрия на парковке у МГУ было незаметно проколото. Пока парень, чертыхаясь и пачкая руки, возился с домкратом в сгущающихся сумерках, Елена Сергеевна ровно в 18:00 переступила порог маленького студенческого кафе.

Полина сидела у окна, нервно сжимая в руках чашку с остывшим чаем. Увидев, что к её столику подходит высокая, роскошно одетая женщина с холодным, идеальным лицом, Полина инстинктивно выпрямилась.

— Полина Александровна? — ледяным тоном спросила Елена Сергеевна. — Вставайте и идите за мной. Я мама Дмитрия. С ним случилась неприятность, нам нужно поговорить.

У Полины оборвалось сердце. Испугавшись, что с Димой что-то произошло на его «тяжелой работе», она послушно поднялась и пошла вслед за женщиной. У входа их ждал представительский черный мерседес. Едва Полина села на заднее сиденье, Елена Сергеевна резким движением вырвала из её рук мобильный телефон и выключила его.

— Эй! Зачем вы... — пискнула Полина, но натолкнулась на такой мертвенный, зловещий взгляд, что осеклась.

Машина ехала недолго. Всю дорогу они молчали. Их привезли к какому-то пустому, явно недостроенному загородному коттеджу, принадлежащему одной из фирм Березиных. Елена Сергеевна толкнула Полину внутрь пустой серой комнаты, где стоял лишь один стул, и там начался настоящий ад.

— Ты думала, ты самая умная, деревенщина? — Елена Сергеевна сбросила маску светской дамы, её лицо перекошило от брезгливости. — Думала, подложишь под моего сына свой выводок и обеспечишь себе московскую прописку?

— О чем вы говорите?.. Я люблю Диму! — Полина плакала, сжимая в руках свой неизменный футляр, который успела прихватить.

— Диму? — Елена Сергеевна презрительно расхохоталась. — Какого Диму, нищенка? Дмитрия Анатольевича Березина! Наследника строительной империи! Ты хоть знаешь, кто он? Ты для него — грязь под ногтями. Способ «испытать другую жизнь», как он сам выразился перед всеми своими друзьями на банкете. Он с тебя просто пыль сдувал, пока ему было скучно! У него есть невеста, они женятся через год, это решенный вопрос на миллионы долларов. А ты... ты просто подстилка на пару месяцев.

— Нет... нет, это неправда, он не такой! Он простой студент, он грузчиком работает! — кричала Полина, а слезы градом катились по её бледным щекам.

— Студент? Грузчик? — Елена Сергеевна с издевкой вытащила из сумочки пачку фотографий и швырнула их в лицо Полине.

Снимки веером разлетелись по бетонному полу. Полина с ужасом опустилась на колени, подбирая их. С глянцевых картинок на неё смотрел её Дима. Но он был другим. В шикарном дорогом костюме, с бокалом виски, он обнимал за талию холеную красавицу Кристину. На другой фотографии он смеялся в окружении тех самых парней из спорткара, которые едва не сбили людей на переходе. На третьей — сидел за руль роскошного спортивного купе.

Мир Полины рушился, рассыпаясь на мелкие, острые осколки, которые вонзались прямо в сердце. Он врал ей. Всё это время, от первого до последнего слова, он просто играл с ней в благородство.

— Теперь послушай меня, — Елена Сергеевна подошла вплотную, сверху вниз глядя на распластанную на полу девушку. — Этот ублюдок, которого ты носишь внутри, никому не нужен. Семья Березиных никогда не признает этого щенка. Ты сейчас же поедешь в клинику и сделаешь аборт. Я сама лично прослежу, чтобы от этого отродья ничего не осталось. Если пикнешь — я сотру тебя в порошок. Ты меня поняла?

Под страшным прессингом, от жутких слов этой властной женщины и от осознания колоссального предательства любимого человека Полина окончательно потеряла голову от ужаса. Она обхватила руками свой живот, словно пытаясь защитить малыша от всего мира, и, стоя на коленях, зарыдала навзрыд:

— Нет! Пожалуйста, умоляю вас, не трогайте ребёнка! Пощадите его! Я сделаю всё, что вы скажете! Я уеду... Я сейчас же уеду в Зубцов, навсегда! Я брошу консерваторию, я никогда, клянусь вам, никогда больше не появлюсь в Москве и не найду Диму! Он ничего не узнает, я воспитаю его сама, только не убивайте моего малыша!

Елена Сергеевна холодно прищурилась. Этот вариант показался ей даже лучше. Не нужно марать руки об аборт, не нужно рисковать здоровьем девки, а главное — можно обрубить все концы так, чтобы Дима сам возненавидел её и никогда не пытался искать.

— Хорошо, — швырнула она на пол лист бумаги и ручку. — Пиши. Под мою диктовку. Пиши своему Диме прощальное письмо.

Дрожащими, непослушными пальцами, захлебываясь слезами, Полина выводила на листе страшные, чужие слова:

«Дима, прости, но я больше не могу врать. Всё это время я тебя обманывала. Твой статус бедного студента меня не устраивал, и я нашла того, кто может дать мне больше. Я беременна от другого мужчины, которого люблю по-настоящему. Мы уезжаем из Москвы навсегда, я выбрала его. Не ищи меня, я поняла, кто для меня дороже».

Полину под конвоем привезли к общежитию. На автомате, словно робот, она забросала в сумку свои немногочисленные вещи, забрала скрипку и в ту же ночь на проходящем автобусе покинула Москву. Документы из консерватории она решила забрать позже, через знакомых, лишь бы больше никогда не дышать воздухом этого проклятого города.

А Дмитрий Березин, наконец-то поменяв чертово колесо, примчался к кафе в половине седьмого. Полины не было. Телефон был вне зоны доступа. Час, два, три... Дима сходил с ума от тревоги. Он подошел к барной стойке. Молодой официант, которому люди Елены Сергеевны незадолго до этого сунули в карман пачку крупных купюр, виновато отвел глаза и нагло соврал по инструкции:

— А, девушка? Да она ушла ровно в шесть. За ней мужчина приехал на дорогой машине, она улыбалась, обняла его, они сели и уехали вместе. Она просила передать, что ждать вас больше не будет.

Дима опешил. Внутри разлилась зловещая пустота. Полночи он на бешеной скорости колесил по ночной Москве, караулил у общежития, но Полины нигде не было.

Утро встретило его серым, грязным рассветом. Когда он обессиленный сидел в своей квартире, в дверь позвонили. На пороге стоял курьер, который молча протянул ему конверт и ушел.

Дима разорвал бумагу. Он узнал этот аккуратный, летящий почерк скрипачки. Он перечитал письмо один раз. Потом второй. Третий.

С каждым словом мир вокруг него с грохотом рушился в бездну. «Я беременна от другого мужчины... я тебя обманывала...»

Елена Сергеевна, просчитавшая этот ход, даже не догадывалась, что в это самое утро она своими руками навсегда убила человека в собственном сыне. Дмитрий сидел на полу посреди роскошной гостиной, сжимая в кулаке проклятый лист бумаги. Его предали. Его растоптала, уничтожила и продала та, которая казалась ему земным ангелом, воплощением чистоты и невинности. Значит, правы были Егор и Кристина. В этом мире нет святости. Есть только выгода, грязь и фальшь. Верить нельзя никому.

На несколько дней Дмитрий полностью выпал из жизни. Он заперся в квартире, глуша боль элитным алкоголем, а когда вышел оттуда — это был уже совершенно другой Березин. В его глазах навсегда погас тот теплый свет, который зажгла в нём Полина. В них осталась лишь ледяная, мертвая пустыня. Он вернулся в тусовку, но теперь его безбашенность граничила с жестокостью, он крушил любые человеческие границы и моральные принципы, превратившись в самого циничного, безжалостного и темного монстра, которого только видела столичная элита.

Полина вернулась в Зубцов глубокой ночью, разбитая и дрожащая от пережитого кошмара. Но едва обняв плачущую мать, она поняла: оставаться здесь нельзя. Елена Сергеевна Березина — чудовище с неограниченной властью. Если она захочет уничтожить её или ребенка, она найдет их в крошечном Зубцове за считанные часы. Охваченная паникой за жизнь своего не рождённого малыша, Полина собрала один чемодан, забрала мамину скрипку и, почти без денег и каких-либо связей, уехала в Тверь.

Там, в чужом крупном городе, началась её жестокая борьба за выживание. Беременную студентку без диплома никто не ждал. Ей пришлось устроиться простой уборщицей, отмывать по вечерам грязные полы в торговых центрах, превозмогая утреннюю тошноту и сильную боль в пояснице. Но Полина не ожесточилась. Её природная доброта, кроткий нрав и действительно чистая душа притягивали к ней хороших людей. Пожилая хозяйка коммуналки сдала ей комнату за бесценок, а соседки подкармливали домашними пирогами.

Через восемь с половиной месяцев на свет появился здоровый, крепкий мальчик. Полина прижала его к груди и, глотая слезы счастья, прошептала:

— Привет, мой хороший. Ты будешь Александром. Александром Дмитриевичем. В честь моего папы.

Вдвоем с маленьким Сашей было невероятно трудно, но мир не без добрых людей. Когда сыну исполнилось полгода, одна из постоянных клиенток, у которой Полина убирала квартиру, узнав, что девушка училась в консерватории, помогла ей устроиться учителем музыки в местную школу. Полина наконец-то вернулась к искусству, её грамотная речь и невероятный талант быстро сделали её любимицей и детей, и коллег.

А еще через год судьба сделала ей самый главный подарок. На одном из школьных мероприятий Полина познакомилась с Владимиром Гилбертом. Серьезный, подтянутый мужчина работал следователем в Следственном комитете. От его пронизывающего взгляда обычно ничего нельзя было скрыть, но, посмотрев в огромные карие глаза Полины, Владимир пропал. Он влюбился в неё без памяти, окружил такой заботой и надежностью, о которой она уже и не мечтала. Его совершенно не смущал маленький Саша — парень быстро привязался к мальчику и полюбил как родного.

Перед тем как принять его предложение руки и сердца, Полина решила на тяжелый разговор. Сидя на кухне его квартиры, она, сжимая пальцы от волнения, рассказала Владимиру всё о своем московском прошлом, об обмане Димы и страшных угрозах его матери.

Владимир молча выслушал её, его челюсти плотно сжались от глухой ярости к московским мажорам, ломающим чужие жизни. Он подошел, крепко обнял Полину и тихо, но железным тоном произнес:

— Больше никто и никогда не посмеет тебя обидеть, Поля. Я их из-под земли достану, если они сунутся. Но лучше сделать так, чтобы они вообще забыли о вашем существовании.

Пользуясь своим служебным положением, связями и доступом к закрытым базам данных, Владимир провернул ювелирную операцию. Он навсегда утопил концы в воду. Еще до официальной регистрации брака Зимина Полина Александровна и её сын Зимин Александр исчезли из всех государственных реестров. Старые паспорта, свидетельства и записи были безвозвратно аннулированы. А через некоторое время в документах Тверской области появились совершенно новые люди: Гилберт Полина Александровна и Гилберт Александр Владимирович. Найти или отследить их по старым следам стало абсолютно невозможно. Полина наконец-то смогла спать спокойно, зная, что её сын в полной безопасности под защитой закона и любящего мужа.

В это же время в Москве, в параллельной реальности, Дмитрий Березин медленно загнивал в своей золотой клетке. Как и планировали родители, он женился на Кристине Микуловой. Но это был не брак, а сущий ад для двоих. Они не любили друг друга, жили в разных спальнях и общались исключительно скрытыми уколами и циничными фразами. Кристина продолжала вести разгульный образ жизни и так часто делала тайные аборты, что к моменту, когда Анатолий Петрович жестко потребовал от пары законного наследника для передачи бизнеса, выяснилось страшное — забеременеть Кристина больше не могла.

Не помогли ни лучшие клиники мира, ни бесконечные дорогостоящие процедуры ЭКО. Дмитрий наотрез отказался от идеи суррогатного материнства, заявив отцу:

— Моего ребенка будет носить только моя жена. Чужая баба мне не нужна. На этом точка.

Помучив друг друга еще пару лет, Дмитрий и Кристина развелись без лишнего шума, окончательно разорвав этот фальшивый союз.

Елена Сергеевна с ужасом наблюдала за тем, во что превратился её единственный сын. Лощеный, жестокий, циничный монстр, который ни во что не ставил человеческую жизнь, менял женщин как перчатки и общался с матерью исключительно скрым презрением. Женщина понимала: это она своей ложью и тем проклятым письмом убила в нем всё живое. Она отчаянно хотела исправить свою ошибку. Елена Сергеевна тайно наняла лучших частных детективов, выделив огромные бюджеты, чтобы найти Полину. Она была готова купить ей квартиру, заплатить любые деньги, лишь бы вернуть её сыну и вытащить его из этой эмоциональной бездны.

Но детективы лишь разводили руками.

— Елена Сергеевна, Зимина Полина как сквозь землю провалилась. Из Зубцова уехала, никаких следов в налоговой, пенсионном или паспортных столах. Её просто нет. Либо сменила личные данные по программе защиты, либо... её больше нет в живых. Концы обрублены наглухо.

Мать Димы сидела в своем роскошном кабинете, обхватив голову руками. Рассказать сыну правду о том, что это она выгнала его единственную любовь и заставила написать то письмо, она так и не решилась. Елена Сергеевна до дрожи в коленях, до животного ужаса боялась собственного сына — точнее, того безжалостного, холодного человека, в которого она сама его превратила.

Глава2. Глаза в пол

Сырой и прохладный летний день казался ошибкой природы. Июньское небо затянуло серыми тучами, и мелкий, занудный дождь безжалостно стучал по граниту. На городском кладбище царила мертвая, звенящая тишина, нарушаемая лишь шорохом капель по пожухлой траве.

Перед совсем свежей могилой, ссутулив плечи, стоял восемнадцатилетний парень. В его темных глазах, так похожих на материнские, застыла невыносимая, совсем не детская скорбь. Он неотрывно смотрел на строгую черную табличку: Гилберт Владимир Иванович. 22.06.1990 — 14.05.2026.

Прошел ровно месяц. Месяц с того проклятого дня, когда его отец — человек, бывший для Саши абсолютным эталоном силы, верности, чести и мужского достоинства, — погиб. Погиб навсегда. И это не было страшным сном, от которого можно проснуться и облегченно выдохнуть.

А ведь вся Сашина жизнь до этого момента была прекрасной. Папа любил его без памяти. За все свои восемнадцать лет Саша ни разу не узнал, что такое ремень или жестокое наказание. Даже когда он, будучи импульсивным подростком, умудрялся крупно начудить, отец никогда не повышал голоса. Он садился напротив, твердо смотрел в глаза и терпеливо, разбирал с сыном каждую ситуацию, объясняя последствия глупых поступков. Их семья всегда была нерушимым островом безопасности, тепла и покоя.

И на этом острове царила любовь. Отец, несмотря на летящие годы, не прекращал сдувать пылинки с мамы. Он буквально носил её на руках. А когда чуть больше года назад они узнали, что у них наконец-то будет еще один ребёнок, Владимир буквально сходил с ума от счастья, оберегая жену от малейшего сквозняка. Саша тоже был на седьмом небе. У родителей почему-то очень долго не получалось родить ему братика или сестренку, хотя он очень этого хотел. И вот, будучи уже взрослым подростком, он с гордостью примерил на себя новый, такой важный статус: Старший брат.

Беременность мамы прошла на удивление легко, и на свет появился маленький Гилберт. Его называли Антошкой. Малыш родился смешным, кудрявым и огненно-рыжим — вылитая

копия отца. Саша сразу же включился в процесс, во всем помогал с братиком. И именно эта забота в итоге спасла жизнь и ему, и маленькому Татошке.

В тот роковой майский день Сашка вернулся домой из музыкальной школы. Он всю готовился к поступлению в консерваторию. Мама почему-то очень не хотела, чтобы он ехал учиться в Москву, её лицо всегда бледнело при одном упоминании столицы. Саша тогда не задумывался о причинах, просто списывал всё на обычную материнскую тревогу — мол, сильно переживает за него и боится отпускать в огромный чужой город.

Войдя в дом, он увидел, какими уставшими выглядят родители: мелкий, видимо, снова устраивал ночные концерты. Быстро перекусив, Саша решил проявить инициативу и сказал собрать малыша на прогулку:

— Так, родители, у вас есть законных пару часиков, пока Татошка спит. Отдыхайте.

Он бережно покатил коляску по тихой березовой аллее в сторону рощи. Стояла теплая весна, птицы заливались в листве. Сашка отошел от их нового загородного дома всего минут на пятнадцать, как вдруг... небо раскололось.

Раздался оглушительный, чудовищный взрыв.

Саша в ужасе бросился назад. Но когда он добежал до участка, его сердце просто перестало биться. Он не мог шевелиться. Мозг парня включил мощнейшую психологическую защиту от страшного стресса — он просто начисто стер из памяти все последующие минуты, убрав все воспоминания об этих мгновениях. Он не помнил, как кричал и что происходило тогда.

Отец погиб на месте. Мама чудом выжила: взрывной волной её выбросило со второго этажа. Она сильно повредила спину и теперь была навсегда прикована к инвалидной коляске. Врачи сухо сказали: «Нужна срочная, сложнейшая операция. Но у нас в клинике такие не проводят, это очень дорого, требуются большие деньги».

А денег у них не было. Вообще. Гилберты совсем недавно вложили все свои сбережения, до последней копейки, в строительство этого дома и покупку новой машины, которая теперь тоже была безнадежно уничтожена и превратилась в груды обгоревшего металлолома.

И вот теперь талантливый молодой музыкант, который только-только окончил школу с золотой медалью, перед которым должны были открыться все дороги, остался ни с чем. Он остался один на один с этой сырой могилой, инвалидом-мамой и маленьким годовалым братиком, вся забота о котором теперь целиком легла на его несовершеннолетние плечи.

Саша медленно опустился на колени прямо в сырую грязь, протянул руку и коснулся холодного края гранитной таблички. Слезы, смешиваясь с дождевыми каплями, покатались по его щекам.

— Папа... — хрипло, едва слышно прошептал он, сглатывая подступивший к горлу ком. — Как же так? Как мне быть, пап? Я не знаю, что делать... Маме так больно, а Антошка совсем кроха. Мне страшно. Но я обещаю тебе... я их не брошу. Я сделаю всё, чтобы вытащить маму.

Парень поднялся с колен, вытирая лицо рукавом куртки. Его взгляд вдруг стал жестким и решительным. Он развернулся и быстрыми шагами пошел к выходу с кладбища. Времени на слезы больше не было. Нужно было возвращаться в их временное жилье, где его ждали две самые родные души.

Дмитрий Анатольевич Березин давно перестал чувствовать хоть что-то, кроме азарта охоты и холодной, расчетливой ярости. За девятнадцать лет, прошедших с момента краха его первой и последней любви, он превратился в абсолютное чудовище, заковав свое сердце в непробиваемую броню. Он не просто сохранил бизнес отца — он развил его до масштабов колоссальной, процветающей империи.

Репутация в столице у тридцативосьмилетнего Березина была по-настоящему страшной. О нем говорили шепотом. Он шел по головам, никогда и никого не жалел, а само слово «сострадание» считал признаком ментальной инвалидности. Конкуренты бледнели при одном упоминании

нании его фамилии. Старые друзья вроде Егора восхищались его жесткостью и железной силой, а Анатолий Петрович безмерно гордился тем, кем стал его наследник. Постаревший магнат даже не задумывался о том, какими методами его сын добивается целей.

Спорить с Дмитрием Анатольевичем Березиным не решался никто. Те редкие глупцы, которые пытались бросить ему вызов или встать на пути у его строительных проектов, уничтожались полностью, под корень. Дима не просто банкротил их — он стирал с лица земли их бизнес, их репутацию и их личность, оставляя бывших миллионеров нищими и сломленными.

Империя Березина неумолимо расширялась, и следующим стратегическим шагом стало строительство огромного, знакового торгово-развлекательного комплекса в Твери. Проект был настолько масштабным и прибыльным, что Дмитрий, привыкший контролировать абсолютно всё лично, принял решение временно переехать туда. Он купил огромный, роскошный загородный особняк на окраине города, обнес его высоким глухим забором и перевез туда часть своих вещей.

Однако Тверь встретила столичного олигарха глухим сопротивлением. Для Димы этот город казался чужим, провинциальным, а люди здесь — какими-то странными, чересчур неторопливыми и гордыми. Столкнувшись с местным менталитетом, Березин внезапно уперся в глухую стену там, где вообще не ожидал проблем — в поиске домашнего персонала.

Привыкший руководить жестко, деспотично и беспощадно, Дмитрий искренне считал наемных рабочих обслуживающим мусором. Он не стеснялся в выражениях, швырял вещи, если они были сложены не по его стандарту, и требовал беспрекословного, рабского подчинения. Но в Твери столичные замашки Березина не работали. В огромном доме начался настоящий хаос. Две горничные из местного агентства оказались нечистыми на руку и попытались стащить дорогие запонки, за что с треском, были вышвырнуты вон. Другие кандидаты работали из рук вон плохо, пугаясь одного лишь ледяного взгляда хозяина, а агентства просто разводили руками.

Очередной повар и экономка сбежали прямо посреди недели, не выдержав очередного яростного разноса из-за пересоленного супа. Дмитрий остался в огромном, пустом и гулком доме совершенно один. Раздраженно расстегнув верхнюю пуговицу дорогой рубашки, он мерил шагами просторную гостиную, глядя в окно на шумящие вековые сосны. Его бесило, что он, человек, управляющий многомиллиардными потоками, не может подчинить себе парутройку местных нищелюбов, которые навели бы элементарный порядок в его жилье. Кольцо одиночества и злости вокруг него сжималось всё сильнее.

Положение в семье Гилберт с каждым днем становилось все более критическим. Деньги, оставшиеся от последних накоплений Владимира, таяли на глазах. Их едва хватало на покупку детской смеси для Антошки, самые простые продукты и оплату крошечной, пропахшей сыростью съемной однокомнатной квартиры на окраине Твери. Полина, прикованная к инвалидному креслу, с невыносимой болью в сердце наблюдала за тем, как её старший сын буквально тает от усталости. Юношеские плечи Саши, еще недавно державшие скрипку, теперь казались ссутуленными под неподъемной тяжестью взрослой жизни. Полина пыталась шутить, подбадривать его, но по ночам беззвучно плакала в подушку, проклиная собственное бессилие.

Саша понимал, что обычные подработки для расклейщиков объявлений или курьеров не спасут ситуацию. Ему нужен был стабильный, весомый доход. В полном отчаянии он решился позвонить старому сослуживцу своего отца, Михаилу, который знал о трагедии. Они встретились на автобусной остановке под проливным дождем.

Михаил тяжело вздохнул, выслушав сбивчивый рассказ парня, и потер переносицу:

— Саш, ситуация паршивая. Тебе только-только исполнилось восемнадцать. Официально без опыта и образования тебя никто на нормальную должность не возьмет. Но... есть один вариант. Помнишь, отец рассказывал про Аллу Николаевну? Я ей когда-то в следственном комитете сильно помог, должок за ней. Она сейчас руководит элитным кадровым агент-

ством. Они занимаются профессиональным клинингом и подбором персонала для очень богатых клиентов. Платят там серьезно.

— Дядя Миша, я на всё согласен, — Сашин голос дрогнул, в глазах вспыхнула отчаянная надежда. — Мне плевать, какая работа. Лишь бы платили вовремя. Маме нужны лекарства, у Антошки зубы режутся, смесь дорогая... Пожалуйста, попросите её.

Михаил набрал номер прямо при нём. Разговор был долгим, директор агентства явно не горела желанием брать «зеленого» парня без рекомендаций в сектор премиум-обслуживания, где один неверный шаг мог стоить агентству репутации. Но авторитет погибшего Владимира и настойчивость Михаила сделали свое дело. Алла Николаевна нехотя согласилась принять Сашу на стажировку.

На следующий день Саша уже стоял в строгом, залитом светом офисе агентства. Алла Николаевна, ухоженная женщина с проницательным взглядом, осматривала его с ног до головы.

— Слушай меня внимательно, Гилберт, — строго чеканила она слова, постукивая дорогим ногтем по столу. — Мои клиенты — это люди с огромными деньгами и очень тяжелыми характерами. Из Москвы сейчас привалила целая волна олигархов из-за новых застроек. Ошибок мы не прощаем. Твоя задача — идеальная чистота, абсолютная тишина и полная невидимость. Ты не имеешь права заговаривать с хозяевами, не имеешь права смотреть им в глаза, если они того не хотят. Ты просто тень, которая убирает грязь. Понял?

— Я всё понял, Алла Николаевна. Клянусь, я вас не подведу, — ответил Саша, крепко сжимая кулаки, чтобы скрыть дрожь в пальцах.

Внутри него все ликовало. Озвученная сумма оклада казалась ему спасительным кругом. Этого точно хватит, чтобы закрыть долг за квартиру и купить маме необходимые обезболивающие. О дорогостоящей операции на позвоночнике он пока даже не смел мечтать — сейчас нужно было просто выжить, удержаться на плаву и сохранить то небольшое, что у них осталось.

Начались две недели жесткой, изматывающей стажировки. Саша учился разбираться в дорогих чистящих средствах, профессиональной технике и правилах ухода за антикварной мебелью, мрамором и капризным каминным камнем. Его пальцы, привыкшие к тонким скрипичным струнам, покрылись мелкими ссадинами от химикатов и грубой ветоши. Вечерами он приходил домой без сил, падал на диван, но, когда маленький Антошка полз к нему, протягивая ручки, Саша находил в себе силы улыбаться.

Еще до того, как прогремел тот проклятый взрыв и жизнь разделилась на «до» и «после», Владимир настоял, чтобы сын выучился на права. Буквально за пару недель до трагедии Саша успешно сдал экзамены, а теперь наконец-то получил заветную пластиковую карточку. Единственным материальным имуществом, уцелевшим от прежней жизни, осталась старенькая, потрепанная Лада-девятка. Ей повезло: накануне катастрофы отец отогнал её в автосервис на замену тормозных колодок. Папа планировал оставить эту рабочую лошадку Саше в качестве его первого автомобиля, чтобы тот учился крутить руль. Теперь же эта «девятка» стала для парня настоящим спасением — без нее мотаться по элитным объектам с тяжелыми сумками бытовой химии было бы физически невозможно.

Наклеив на заднее стекло желтый квадратный знак «Начинающий водитель», Саша глубоко вздохнул и поехал по первому выданному адресу. Объект находился в элитном доме в центре Твери. Дверь огромной квартиры открыла пожилая, надменная женщина с тяжелым, оценивающим взглядом. Она брезгливо окинула парня в простой рабочей униформе с ног до головы и сухо указала холеной рукой в сторону просторного зала:

— Начинай отсюда. Хрусталь на люстре не трогать, паркет тереть только специальным воском. И чтобы я тебя не слышала.

Саша лишь молча кивнул. Он убирался с особым, отчаянным старанием, вычищая каждый сантиметр и не позволяя себе отвлекаться ни на секунду. Закончив работу и до блеска отмыв квартиру, он вежливо попрощался с хозяйкой и уехал домой.

С того дня объекты начали меняться один за другим в бешеном калейдоскопе. То это был огромный загородный особняк с панорамными окнами, то скромная, но дорогая квартира-студия, то захламленный дом после капитального ремонта, где пыль стояла столбом. Саша работал как заведенный: беззвучно, качественно, идеально учитывая любые, даже самые абсурдные капризы и пожелания богатых клиентов. В агентство Аллы Николаевны очень быстро полетели восторженные отзывы. Клиенты отмечали, что парень работает «как невидимка», а сам Саша всё чаще стал привозить домой крупные чаевые от довольных хозяев. Эти шуршащие купюры вызывали у него робкую улыбку — дела семьи потихоньку налаживались, на столе появилась нормальная еда, а в глазах мамы Полины загорелась слабая надежда.

В это же время на другом конце города Дмитрий Анатольевич Березин пребывал в отвратительном расположении духа. Огромный особняк по-прежнему оставался без должного ухода. Единственное, что ему удалось сделать — это перевезти проверенную, немногословную охрану из Москвы и нанять пожилую повариху. С женщиной проблем не возникало: она знала свое дело, готовила безупречно и никогда не лезла к хозяину с глупыми разговорами. А вот с остальным персоналом была беда. В очередной раз обнаружив пыль на дорогой дубовой панели в кабинете, Дмитрий со злостью швырнул бумаги на стол и снова набрал номер элитного агентства, требуя прислать ему расторопного человека на целую неделю под личный жесткий контроль.

Алла Николаевна, увидев на экране телефона номер Березина, буквально застонала вслух и схватилась за голову. Из-за этого деспотичного московского олигарха её агентство уже лишилось троих лучших сотрудников, которые уходили от него со слезами и истериками. И тут в её голове мелькнула мысль о Гилберте. Мальчик работал безупречно, ходил тише воды, ниже травы, жалоб от клиентов не имел, а его исполнительность восхищала даже строгих проверяющих. «Вдруг прокатит? — подумала Алла Николаевна, покусывая губу. — Парень железный, молчаливый. Может, хоть он уживется с этим монстром».

Саша спокойно принял новый наряд-заказ. Внимательно изучив адрес элитного закрытого поселка, он мысленно прикинул масштабы работы. Район был сверхбогатым, закрытым, а значит, там платили по высшему тарифу. Юноша надеялся, что за эту неделю сможет заработать сумму, которая позволит отложить приличную часть на будущее.

Перед отправлением Алла Николаевна лично вызвала его в кабинет и строго предупредила, глядя прямо в глаза:

— Гилберт, объект крайне сложный. Клиент — высокопоставленный москвич, капризный до безумия, с тяжелейшим характером. Из-за его придирок у меня уже три человека работы лишились. С ним шутки плохи, Саш. Чуть что не так — вылетишь из агентства. Подумай хорошо.

Но Саша лишь беспечно отмахнулся, натянув на лицо уверенную улыбку:

— Не переживайте, Алла Николаевна. Я уже всяких хозяев видел. Если выполнять свою работу качественно, вовремя и не лезть на глаза, то и никаких проблем не будет. Всё сделаю в лучшем виде.

Заказ на целую неделю в одном месте его более чем устраивал — не нужно было ежедневно тратить бензин на переезды с объекта на объект. Парень погрузил в багажник своей «девятки» все необходимые моющие средства, пылесос, ветошь и проверил время. На месте он должен был быть ровно в 9:30 утра.

Тем временем в своем особняке Дмитрий Березин стоял у окна гостиной, лениво потягивая утренний кофе. Его ледяной, расчетливый взгляд сканировал пустую подъездную дорожку. Он ждал нового слугу, заранее приготовившись к тому, что и этот тверской растяпа вряд ли

продержится у него больше двух дней. До прибытия нового работника оставалось несколько минут.

Старенькая «девятка» Саши негромко заурчала двигателем, останавливаясь перед массивными коваными воротами. Парень заглушил мотор и вышел из машины. Забор вокруг участка был по-настоящему пугающим: высоченный, глухой, а по самому верху шла тугая спираль колючей проволоки, словно здесь находился не жилой дом, а секретный военный объект. За этим ограждением высился монументальный, кирпичный особняк, давивший своей мрачной роскошью.

Саша подошел к панели домофона и нажал на кнопку. Прошла долгая, томительная минута, прежде чем замок тяжело щелкнул, и створки начали медленно расходиться в стороны. Парень вернулся за руль, въехал на ухоженную территорию и тут же наткнулся на хмурого, подтянутого охранника в черной форме. Тот молча, коротким кивком указал место на парковке подальше от центральной аллеи, а затем махнул рукой в сторону парадного входа.

Саша достал из багажника свои сумки с инвентарем и не спеша пошел к массивным дверям. Сердце в груди билось чуть быстрее обычного.

На верхних ступенях крыльца его уже ждали. Это был хозяин дома. Дмитрий Анатольевич Березин выглядел безупречно и пугающе одновременно. Высокий, атлетически сложенный мужчина под сорок лет, он казался настоящим воплощением хищной, зрелой мужской красоты. Дорогая дизайнерская одежда сидела на нем как влитая, подчеркивая разворот широких плеч. Черные, с легкой благородной проседью волосы были аккуратно уложены, а правильные, резкие черты лица словно высекли из дорогого мрамора. Парень не заметил и не мог заметить в этом холеном, уверенном в себе столичном олигархе абсолютно никакого сходства с самим собой — слишком разными были их миры, их возраст и их статус.

Не доходя нескольких шагов до крыльца, Саша вежливо остановился. Он приветливо, открыто улыбнулся и произнес:

— Здравствуйте, Дмитрий Анатольевич. Меня зовут Саша. Я буду работать у вас на этой неделе.

Ю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.